

ПРЕЗУМПЦИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ АДВОКАТА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ДЕЙСТВУЮЩЕГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Эсенболатова Милана Руслановна

Студент (бакалавр)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Кафедра уголовно-правовых дисциплин, Махачкала, Россия

E-mail: m.esenbolatova@mail.ru

По справедливому замечанию В.Т. Азизовой и М.К. Гитиновасова, «важнейшая роль в обеспечении законности в нашем государстве принадлежит адвокату, которая на протяжении всей истории своего существования выполняла свое главное предназначение - защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц»[1]. Тем не менее, на практике нередки случаи, когда адвокаты при осуществлении своей профессиональной деятельности пренебрегают добросовестным исполнением возложенных на них обязанностей, что, безусловно, причиняет вред как доверителям, так и в целом идее правосудия. Поэтому в последние годы особенно пристальное внимание в отечественной правовой науке уделяется такому оценочному и сложному в своем содержании понятию, как добросовестность адвоката.

Характеризуя добросовестность, можно согласиться с А.В. Шарковым в том, что данная категория понимается законодателем одновременно в качестве особой характеристики субъекта права, объективной стороны поведения субъекта правоотношений и презумпции права[2]. Не вызывает сомнений тот факт, что законодатель, закрепляя в таком качестве добросовестность, преследовал цели укрепления нравственных начал правоотношений, в связи с чем, как отмечает Е.Е. Богданова, именно с позиций нравственности следует рассматривать поведение субъекта соответствующих правоотношений в качестве добросовестного или недобросовестного[3].

Прежде всего, следует заметить, что добросовестность напрямую упоминается в законодательстве об адвокатуре и адвокатской деятельности. В частности, в ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[4] от 31.05.2002 законодатель возлагает на адвоката обязанность этичного, честного, разумного и добросовестного поведения при отстаивании прав и законных интересов доверителя всеми не запрещенными законодательством способами.

На наш взгляд, содержание добросовестности применительно к осуществлению адвокатом профессиональной деятельности может быть установлено от обратного, на основании анализа материалов дисциплинарной практики адвокатских палат. В частности, в одной из рассматривавшихся Советом Адвокатской палаты г. Москвы ситуаций адвокат допустил следующие нарушения, за которые последовала дисциплинарная ответственность.

Во-первых, неисполнение профессиональных обязанностей перед доверителем, выражающееся в том, что при вступлении в уголовное дело в отношении доверителя по назначению органа дознания адвокат отказался от реализации своей обязанности потребовать от дознавателя предоставления свидания с подзащитным наедине и на условиях конфиденциальности, сразу приняв участие в допросе подзащитного в качестве подозреваемого.

Во-вторых, ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем, выражающееся в том, что в отсутствие своего доверителя адвокат принял участие в следственных действиях, а именно в избрании меры пресечения, объявлении об окончании расследования уголовного дела и т.д., в то время как доверителя участия в данных действиях не принимал, подписав процессуальные документы впоследствии в отсутствие

адвоката. Определяя меру дисциплинарной ответственности адвоката Совет Адвокатской палаты г. Москвы в данном случае пришел к выводу о том, что совершенные нарушения являются тяжкими и, что немаловажно, умышленными, сопровождавшимися действиями адвоката по фактическому оставлению без квалифицированной юридической помощи своего доверителя при производстве с ним важнейших для его дальнейшей судьбы процессуальных и следственных действий, а также злостным игнорированием адвокатом обязательных решений органов адвокатского самоуправления. В связи с этим, Совет Адвокатской палаты пришел к выводу о необходимости прекращения адвокатского статуса нарушителя[5].

В другой ситуации, также являвшейся предметом рассмотрения Совета Адвокатской палаты г. Москвы, адвокат допустил нарушение, выражающееся в совершении действий, направленных к подрыву доверия к адвокатуре, а также в злоупотреблении доверием. Указанные нарушения заключались в том, что адвокат с собственного электронного почтового адреса на электронный почтовый адрес доверителя направила недостоверную сканированную копию протокола заседания Комиссии по проведению аукционов по продаже земельных участков либо на право заключения договоров аренды земельных участков, в котором доверитель был признан победителем аукциона.

Указанные факты свидетельствуют о грубом и циничном пренебрежении адвокатом установленными в адвокатском сообществе фундаментальными этическими правилами, в соответствии с которыми адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия.

В конечном счете, Совет Адвокатской палаты г. Москвы исходил из того, что имели место заведомо недопустимые умышленные действия, которые наносят тяжкий вред авторитету адвоката и адвокатуры, направлены к подрыву доверия к адвокатуре со стороны как общества, так и государства. Соответственно, профессиональное поведение адвоката в данном случае было признано несоответствующим принадлежности к адвокатскому сообществу, на основании чего адвокатский статус был прекращен[6].

Учитывая изложенное, считаем необходимым рассматривать презумпцию добросовестности с более широких - межотраслевых - позиций, именуя её при таком подходе презумпцией добросовестности субъектов (участников) гражданского оборота. В то же время, в целях обеспечения единообразия в понимании добросовестности адвоката следует, на наш взгляд, создать систему пересмотра решений, принятых по дисциплинарным делам региональными палатами на уровне центра, что позволит сформировать корпоративные нормативные акты, содержащие единообразно понимаемые этические правила осуществления адвокатами своей профессиональной деятельности.

Источники и литература

- 1) Азизова В.Т., Гитиновасов М.К. Основания, порядок и последствия приостановления и прекращения статуса адвоката // Юридический вестник ДГУ. 2016. № 2. С. 17-22.
- 2) Шарков А.В. Принцип добросовестности в юридической науке и гражданском законодательстве // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 60-6. С. 13.
- 3) Богданова Е.Е. Принцип добросовестности: соотношение правовых и нравственных аспектов // Lex russica (Русский закон). 2016. № 1. С. 182.
- 4) Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021)

- 5) Обзор дисциплинарной практики // Вестник адвокатской палаты г. Москвы. 2018. Вып. 1. С. 72-76.
- 6) Обзор дисциплинарной практики // Вестник адвокатской палаты г. Москвы. 2018. Вып. 1. С. 87-90.